18+

Граф

Гражданская война глазами белых: Белая Гвардия — Путь чести

Граф

Гражданская война глазами белых: Белая Гвардия — Путь чести

«Издательские решения»

Граф

Гражданская война глазами белых: Белая Гвардия — Путь чести / Граф — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Книга «Гражданская война глазами белых: Белая Гвардия — Путь чести» — это трагическая хроника Белого движения. Через судьбы Деникина, Врангеля, Колчака, Юденича и их соратников автор показывает, как люди долга пытались спасти Россию, но проиграли. Поражения, эмиграция, гибель семей и споры о памяти — это история о чести, которая не всегда ведёт к победе, но остаётся частью нашей общей истории.

© Граф
© Издательские решения

Содержание

От автора: Почему «Путь чести»? 6
Часть I. Истоки: Армия, Присяга и Раскол (1917 год) 9
Глава 1. «Спасать Отечество!»: Рождение Белого Дела 9
Раздел 1.1. Февральский туман 9
Раздел 1.2. Речь генерала Алексеева и «непредрешенчество» 10
Раздел 1.3. Корниловское выступление: первый выстрел 11
Глава 2. Ледяной поход: Начало Легенды 13
Раздел 2.1. Уход из Ростова 13
Раздел 2.2. Смерть Корнилова и командование Деникина 14
Раздел 2.3. «Второй» Кубанский поход и выход к Дону 15
Часть II. Вожди и Идеологии: Портреты на Фоне Смуты 17
Глава 3. Антон Деникин: Генерал «Прямой Линии» 17
Раздел 3.1. Биография до революции 17
Раздел 3.2. Идеология «единой и неделимой» 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Гражданская война глазами белых: Белая Гвардия — Путь чести

Граф

© Граф, 2026

ISBN 978-5-0071-7663-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора: Почему «Путь чести»?

Есть слова, которые со временем тускнеют, стираются, превращаются в штампы. «Честь» — одно из них. В XX веке над ним посмеялись, в XXI — почти забыли. Но были люди, для которых это слово было не пустым звуком, а мерой жизни и смерти. Они проиграли. Проиграли войну, проиграли дело, которому служили, проиграли стране, которую любили. Но они не проиграли себе. И, может быть, именно поэтому их история до сих пор не отпускает — ни тех, кто их проклинает, ни тех, кто им сочувствует.

Название этой книги — «Путь чести» — не случайно. Оно не претендует на оценку, не выносит приговора, не встаёт на чью-либо сторону. Оно лишь фиксирует то, как сами участники Белого движения воспринимали своё дело. Для них это был не политический проект, не социальная программа, не борьба за власть или собственность. Это был путь — трудный, кровавый, обречённый, но всё же путь чести. Они могли заблуждаться. Они могли быть жестокими. Они могли совершать ошибки, которые стоили России миллионов жизней. Но они не были циниками, не были конъюнктурщиками, не торговали своими убеждениями. В этом смысле их поражение — не только военная катастрофа, но и моральная драма, которая до сих пор требует осмысления, а не осуждения.

Для одних белые генералы — «палачи» и «вешатели». Этот образ создавался целенаправленно, десятилетиями, в советской пропаганде и литературе. Генерал Слащов, «герой» обороны Крыма, был заклеймён как «вешатель» и «палач» ещё при жизни — советский писатель Дмитрий Фурманов написал о нём: «Слащов — вешатель, Слащов — палач: этими чёрными штемпелями припечатала его имя история». Этот образ — жестокого, кровожадного, кокаиниста и садиста — стал каноническим для всей Белой гвардии. В сознании миллионов людей, выросших на советских фильмах и учебниках, белый генерал — это непременно человек с моноклем, в начищенных сапогах, который пьёт шампанское и отдаёт приказы о расстрелах. Образ удобный, простой, не требующий размышлений.

Для других те же самые люди — рыцари «единой и неделимой России». Этот образ тоже создавался целенаправленно, но уже в эмиграции, в мемуарах самих участников, в книгах их детей и внуков, в постсоветской историографии и публицистике. Здесь белый генерал — это благородный страдалец, который до последнего вздоха сражался за Россию, который не запятнал себя сотрудничеством с большевиками, который умер в изгнании, но не сдался. Этот образ тоже удобен — он позволяет не думать о тех жестокостях, которые были, о том, что белый террор был не выдумкой красной пропаганды, а реальностью, о том, что за «единую и неделимую» России платили кровью не только её враги, но и её собственные сыновья.

Истина, как всегда, лежит не посередине, а гораздо глубже. Она в том, что белые генералы были живыми людьми — со всеми их достоинствами и пороками, с их мужеством и их жестокостью, с их верой и их иллюзиями. Они не были ни святыми, ни злодеями. Они были трагическими фигурами, которые оказались в эпицентре одной из самых страшных катастроф XX века и пытались — каждый по-своему — спасти то, что можно было спасти. Иногда это получалось. Чаще — нет. Но сам факт того, что они пытались, что они не смирились, что они шли до конца, — уже заслуживает не оценки, а понимания.

Эта книга родилась не из желания оправдать или обвинить. Она родилась из ощущения личной драмы — той драмы, которая не отпускает, когда читаешь мемуары Деникина или дневники Дроздовского, когда смотришь на фотографии молодых офицеров, которые через несколько месяцев будут лежать в безымянных могилах на Кубани или в Сибири. Братоубийственная война — это не просто метафора. Это реальность, в которой брат шёл на брата, отец на сына, друг на друга. Белые и красные говорили на одном языке, читали одни книги, любили одну страну — и убивали друг друга с ожесточением, которое невозможно объяснить никакой

политической необходимостью. Это трагедия, которая до сих пор отзывается болью в национальной памяти. И эта боль требует не замалчивания, а осмысления.

Память о Белом движении прошла через десятилетия забвения и раскола. В советской России о белых говорили только как о врагах, о «белогвардейской сволочи», о «палачах» и «вешателях». Их имена вычёркивались из учебников, их мемуары были запрещены, их могилы — забыты. В эмиграции, напротив, память о них была святыней. Её хранили в семьях, в церквях, в русских гимназиях и кадетских корпусах, в книгах и журналах. Два разных нарратива, две разные памяти, две разные России — и между ними стена, которая начала рушиться только в конце XX века. Сегодня, когда мы пытаемся восстановить эту память, важно не впасть в другую крайность — не заменить один миф другим, не превратить белых генералов в иконописные лики, лишённые живых черт. Важно помнить их такими, какими они были: сложными, противоречивыми, живыми.

И здесь мы подходим к главному вопросу, который стоит в центре этой книги: была ли у Белого дела позитивная программа? Или всё оно сводилось к «негативной идее» — борьбе с большевизмом, без ясного представления о том, что будет после победы?

Этот вопрос не праздный. Он стоит с первых дней Белого движения. Генерал Алексеев, формулируя лозунг «Спасать Отечество!», прекрасно понимал, что этого недостаточно — но ничего больше предложить не мог. Деникин в «Очерках русской смуты» признавался: «Несравненно труднее обстоял вопрос с лозунгами. „Великая, Единая и Неделимая Россия“ — говорило уму и сердцу каждого отчётливо и ясно. Но дальше дело осложнялось». Дальше начинались разногласия: монархия или республика, Учредительное собрание или военная диктатура, земля помещикам или земля крестьянам. Белые вожди сознательно откладывали решение этих вопросов «до победы», но победа не приходила, а вопросы требовали ответа уже сейчас. Пока они «не предрешали», большевики решали за них.

Врангель, последний из белых вождей, попытался это исправить. Его земельная реформа 1920 года была запоздалой, но искренней попыткой дать крестьянам то, чего они ждали — землю. Он понимал, что «необходимо было наглядно показать отношение к земельному вопросу белого движения и твёрдые намерения национальной власти». Но было уже слишком поздно. Крестьяне не верили, помещики саботировали, армия разваливалась. И всё же сам факт этой попытки важен: он показывает, что белые не были обречены на бездействие, что они могли меняться, что они искали — пусть мучительно, пусть с опозданием — ответы на главные вопросы русской жизни.

Ответ на вопрос о позитивной программе, вероятно, звучит так: она была, но её было слишком мало, и она появилась слишком поздно. Белое движение возникло как реакция на катастрофу — на захват власти большевиками, на развал армии, на гибель государства. Это была реакция защиты, а не программа созидания. Но в этой защите было и положительное начало: верность России, верность присяге, верность долгу. Пусть эти слова кажутся наивными сегодня, пусть они вызывают усмешку у циников — для людей, которые шли умирать в снегах Сибири или в степях Кубани, они были реальностью, за которую стоило отдать жизнь.

Источники, на которых основана эта книга, — это прежде всего голоса самих участников. Мемуары Деникина — пятитомные «Очерки русской смуты», написанные в эмиграции, — остаются одним из самых честных и подробных свидетельств той эпохи. Деникин писал не для оправдания, а для понимания; он не щадил ни себя, ни своих соратников, ни своих противников. «Записки» Врангеля — другой документ: более жёсткий, более субъективный, но не менее ценный. Дневник Дроздовского — это вообще не мемуары, а живая запись, сделанная по горячим следам, с жестокостью и откровенностью, которые потрясают до сих пор: «Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно, на сколько времени. Это иго горше татарского». Воспоминания Лукомского — генерала, стоявшего у истоков Добровольческой армии, — ценны своей фактичностью и стремлением к точности: «Буду писать и делать заключения

— как это представляется мне. А истина получится из сопоставления различных описаний одних и тех же событий». Официальные документы белых правительств — приказы, декларации, воззвания — позволяют увидеть, как формулировались цели движения на разных этапах, как менялась риторика, как от «непредрешения» белые переходили к конкретным реформам, слишком поздно, но всё же.

Эти источники не дают ответов на все вопросы. Они противоречат друг другу, они субъективны, они пристрастны. Но в этом и их ценность: они позволяют услышать живые голоса людей, которые творили историю — и проиграли. Их поражение не отменяет их человеческого достоинства. Их ошибки не отменяют их мужества. Их смерть не отменяет их жизни. И если эта книга поможет хоть кому-то увидеть в белых генералах не карикатурных злодеев и не иконописных героев, а живых людей, которые любили, страдали, ошибались и умирали за то, во что верили, — она достигнет своей цели.

Путь чести не всегда ведёт к победе. Иногда он ведёт в никуда. Но это не значит, что по нему не стоило идти.

Часть I. Истоки: Армия, Присяга и Раскол (1917 год)

Глава 1. «Спасать Отечество!»: Рождение Белого Дела

Раздел 1.1. Февральский туман

Революция никогда не приходит в один день. Она вызревает в трещинах, которые никто не замечает, пока стены ещё стоят. Февраль 1917 года обрушил не просто монархию — он обрушил тот мир, в котором русский офицер знал своё место, знал своего государя и знал, кому он присягал. В одночасье всё это рассыпалось.

Офицерский корпус русской армии встретил известие об отречении Николая II не с ликованием и не с ужасом. Скорее — с растерянностью, которую многие из них потом, в эмиграции, назовут «помрачением». Если говорить об офицерском корпусе в целом, то отречение было принято уж никак не с воодушевлением, в основном спокойно, с некоторой печалью и с сочувствием к Государю — тому есть много свидетельств. Отречение императора было встречено в офицерской среде достаточно тяжело, породив у многих недоброе предчувствие. Но внешнее спокойствие скрывало глубинный раскол, который ещё не проявился, но уже подтачивал армию изнутри.

Генералитет — Алексеев, Рузский, Брусилов — в большинстве своём поддержал отречение, надеясь, что революция обновит страну и позволит довести войну с Германией до победного конца. Это была первая и, пожалуй, самая роковая иллюзия. Они думали, что управляют событиями. События уже управляли ими. Особую роль в отречении Николая II сыграл командующий Северным фронтом Николай Рузский. Он действовал настойчиво, почти ультимативно, и практически все генералы готовы были его поддержать. Им казалось, что жертва монарха спасёт армию и страну. Оказалось — наоборот.

Для самого Алексеева это решение стало незаживающей раной. Согласно воспоминаниям генерала Лукомского, отправив роковую телеграмму главнокомандующим, Алексеев удалился в свой кабинет и сказал ему: «Я никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, что пошёл за ними и что послал телеграмму об отречении императора главнокомандующим». Эти слова — не просто сожаление. Это приговор самому себе, вынесенный человеком, который до конца дней своих считал себя виновным в гибели того мира, которому он присягал. И в этом признании — весь трагизм положения русского генералитета в 1917 году: они пытались спасти Россию, а спасли революцию.

Психологический портрет русского офицера на сломе эпох — это портрет человека, у которого отняли не просто царя, а точку опоры. Присяга — не пустое слово для кадрового офицера. Это был стержень, на котором держалось всё: дисциплина, иерархия, смысл службы. Когда стержень вынули, армия ещё некоторое время стояла, но это была уже не армия, а её тень. Внутри неё уже зрели те трещины, которые через несколько месяцев разорвут её на части: трещина между офицерами и солдатами, между «цензовыми» элементами и «демократией», между теми, кто хотел воевать до победы, и теми, кто хотел мира любой ценой.

Современник, описывая состояние армии всего через несколько месяцев после Февраля, рисует картину, от которой становится страшно: «Часовой в нашем передовом окопе раскрыл сонные глаза, лениво потянулся, безучастно поглядев на неприятельские окопы… Какой-то солдат, в грязной рубахе, босой, в накинутой на плечи шинели, ежась от утреннего холода, вышел из окопа и побрёл в сторону немецкой позиции, где между линиями стоял „почтовый ящик“; в нём — свежий номер немецкой газеты „Русский Вестник“ и предложение товарооб-

мена». Окопы загажены до невозможности, бруствер осыпается, никто не чинит — не хочется, да и людей мало. Много дезертиров; более полусотни ушло легально: уволены старшие сроки, разъехались отпускные с самочинного разрешения комитета; кто попал в члены многочисленных комитетов или уехал в делегации. Это была уже не армия. Это была толпа в шинелях, которая ждала только сигнала, чтобы разбежаться по домам. И сигнал не заставил себя ждать.

Раздел 1.2. Речь генерала Алексеева и «непредрешенчество»

В начале мая 1917 года в Могилёве, в Ставке Верховного главнокомандующего, собрался офицерский съезд. Невзирая на все препятствия, офицеров-представителей съехалось более трёхсот; из них 76% от фронта, 17% от тыловых строевых частей и 7% от тыла. Седьмого мая съезд открылся речью Верховного главнокомандующего. В этот день впервые не в секретных заседаниях, не в доверительном письме, а открыто, на всю страну верховное командование сказало: «Россия погибает».

Генерал Михаил Васильевич Алексеев говорил: «…В воззваниях, в приказах, на столбцах повседневной печати мы часто встречаем короткую фразу: „отечество в опасности“. Мы слишком привыкли к этой фразе. Мы как будто читаем старую летопись о днях, давно минувших, и не вдумываемся в грозный смысл этой короткой фразы. Но, господа, это, к сожалению, тяжелая правда. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть. Враг занял восьмую часть ее территории. Его не подкупишь утопической фразой: „мир без аннексий и контрибуций“. Он откровенно говорит, что не оставит нашу землю. Он протягивает свою жадную лапу туда, где еще никогда не был неприятельский солдат, — на богатую Волынь, Подолию, Киевскую землю, т. е. на весь правый берег нашего Днепра. А мы-то что? Разве допустит до этого русская армия? Разве мы не вышвырнем этого дерзкого врага из нашей страны, а потом уже предоставим дипломатии заключать мир с аннексией или без аннексии? Будем откровенны: упал воинский дух русской армии; еще вчера грозная и могучая, она стоит сейчас в каком-то роковом бессилии перед врагом. Прежняя традиционная верность Родине сменилась стремлением к миру и покою. Вместо деятельности в ней заговорили низменные инстинкты и жажда сохранения жизни. Внутри — где та сильная власть, о которой горюет все государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной? Нам говорят, что скоро будет; но пока ее нет. Где любовь к Родине, где патриотизм? Написали на нашем знамени великое слово „братство“, но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая рознь между двумя частями русской армии — офицерами и солдатами. И вот в такие минуты собрался первый съезд офицеров русской армии».

Это была не просто речь. Это был крик отчаяния человека, который видел, как рушится всё, чему он служил. Алексеев не предлагал программу. Он констатировал катастрофу. И единственное, что он мог предложить, — это лозунг, который стал первым камнем в фундаменте Белого дела: «Спасать Отечество!». Не монархию, не империю, не династию — Отечество. Это было сознательное сужение знамени, попытка найти ту точку опоры, вокруг которой могли бы объединиться люди разных политических взглядов. В этих словах была вся суть трагедии русской армии 1917 года: она ещё существовала как организм, но уже перестала понимать, что именно она защищает.

Именно тогда же оформился и второй краеугольный камень белой идеологии — принцип «непредрешения». Белые вожди сознательно отказывались объявлять, какой будет Россия после победы над большевиками. Будет ли это конституционная монархия, республика, военная диктатура — всё это должно было решить Учредительное собрание, созванное после освобождения страны. В манифесте Добровольческой армии от 9 января 1918 года эта мысль была

выражена со всей возможной ясностью: новая армия будет защищать гражданские свободы, чтобы позволить хозяевам русской земли — русским людям — выражать через выбранное Учредительное собрание свою верховную волю.

В этом принципе была своя честность и своя логика. Она заключалась в простом соображении: если белые генералы объявят о восстановлении монархии, за ними не пойдут те, кто уже вкусил свободы; если объявят республику — от них отвернутся монархически настроенные офицеры и казачество. «Непредрешение» было попыткой сохранить единство ценой отказа от конкретной программы. Но эта попытка с самого начала была обречена на провал, и Деникин это прекрасно понимал. Он позже признавал с предельной откровенностью: «Еще менее, конечно, могло удовлетворить офицерство мое „непредрешение“ и в особенности моя декларация с упоминанием об „Учредительном собрании“ и „народоправстве“. Начальники бригад доложили мне, что офицерство смущено этими терминами».

Более того, «непредрешение» вызывало отторжение не только у офицеров, но и у политических союзников белых. Генерал Лукомский писал Деникину из Киева: «Я глубоко убежден, что это воззвание вызовет в самой армии и смущение, и раскол. В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука об руку. Может быть, до Вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что поправение произошло громадное. Что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кто допускает, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы. Вам необходимо высказаться более определенно и ясно…». Даже те, кто сочувствовал белым, требовали определённости. Но её не было. И не могло быть, потому что за спиной «непредрешенцев» стояли люди с совершенно разными представлениями о будущем России: от убеждённых монархистов до кадетов и эсеров. Любая определённость означала бы раскол. А раскол означал бы конец. Это был замкнутый круг, из которого белые так и не нашли выхода.

Авторское отступление о трагедии этого принципа напрашивается само собой. Пока генералы «не предрешали», большевики уже решали всё за них. У красных был лозунг — «Земля крестьянам, мир народам, фабрики рабочим». У белых был только лозунг «Спасать Отечество!» — и это было не то же самое. Деникин сам формулировал дилемму с предельной откровенностью: «Счастье Родины я ставлю на первом плане… И поверьте, все ваши предрешения праздны. Народ сам скажет… можно пронести в Москву только с народом и только через народ». Но народ, увы, уже шёл за другими. «Непредрешение» было честным. Но честность — не политика. И в Гражданской войне честность проиграла.

Раздел 1.3. Корниловское выступление: первый выстрел

Третьим событием, которое обычно относят к истокам Белого движения, стало корниловское выступление в августе 1917 года. Его предыстория — это история нарастающего взаимного недоверия между двумя людьми, каждый из которых считал, что спасает Россию, и каждый из которых видел в другом главную угрозу.

Лавр Георгиевич Корнилов, назначенный Верховным главнокомандующим, видел, как армия разваливается на глазах. Провал июльского наступления 1917 года окончательно убедил его в необходимости действовать. Он считал, что единственное лекарство — это железная рука. Керенский, со своей стороны, всё больше опасался, что Корнилов хочет захватить власть и стать военным диктатором. Их отношения резко ухудшились — они и не доверяли, и побаивались друг друга. Какую-то странную, роковую роль в этом сыграли посредники — заместитель военного министра Борис Савинков и бывший депутат Государственной думы Владимир Львов. Именно Львов, явившись в Ставку, завёл с Корниловым разговор о необходимости «твёрдой власти», а затем, вернувшись к Керенскому, представил дело так, будто Корнилов

требует передачи ему всей полноты власти. Корнилов позже прямо обвинял Керенского во лжи: «В. Н. Львов, прежде чем явиться парламентёром от меня к Керенскому, явился парламентёром от Керенского ко мне». Но было уже поздно. Керенский объявил Корнилова мятежником и отстранил от должности Верховного главнокомандующего.

Корнилов ответил воззванием, которое стало одним из самых знаменитых документов русской смуты. «Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжёлое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьётся в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, — в храмы, молите Господа Бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения родной земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путём победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни».

Это воззвание — ключ к пониманию Корнилова. Он не был монархистом в узком смысле слова. Он клялся довести народ до Учредительного собрания. Но он был солдатом, который видел, что страна гибнет, и считал, что спасти её можно только силой. «Мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России», — говорил он. И этому можно верить. Корнилов не хотел власти. Он хотел порядка. Но порядок, навязанный штыками, — это уже не порядок, а диктатура. И Россия 1917 года не приняла диктатуры.

Почему «мятеж» провалился? Ответ мучителен для белых и до сих пор вызывает споры. Армия не пошла за своими генералами против Временного правительства. Третий конный корпус генерала Крымова, двинутый на Петроград, был остановлен не столько силой, сколько агитацией. Железнодорожники блокировали эшелоны. Солдаты, ещё вчера готовые идти за Корниловым, слушали агитаторов и отказывались подчиняться. «Дикая дивизия», шедшая в авангарде, была встречена делегатами и остановлена без единого выстрела. Горячо поддержавшее Корнилова офицерство (абсолютное его большинство) ничего не знало ни об интригах Керенского, ни о степени подготовленности выступления. А обошлась ему его неудача чрезвычайно дорого. Офицеры оказались в Быховской тюрьме — вместе с Деникиным, Марковым, Лукомским и другими будущими вождями Белого дела. Сам Корнилов был арестован и заключён в Могилёве, а затем переведён в Быхов.

Именно в Быхове, в эти осенние недели 1917 года, когда за окнами тюрьмы уже сгущалась тишина перед большевистским переворотом, родилось то, что потом назовут «бытовским братством» белых вождей. Они ещё не знали, что через несколько месяцев им предстоит возглавить армию, которая будет сражаться не на жизнь, а на смерть. Но они уже понимали: их путь лежит не в Петроград, к власти, а на Дон и Кубань — туда, где ещё теплилась жизнь, где казачество ещё не было раздавлено, где можно было начать всё сначала. Девятнадцатого ноября 1917 года Лукомский, Деникин, Марков и Романовский бежали из Быхова, переодевшись в гражданское и надев тёмные очки. В городе остался один Корнилов — он ждал своего часа. Этот час придёт через несколько недель, когда он тайно покинет Быхов и отправится на Дон, чтобы возглавить то, что ещё не имело имени, но уже имело цель: спасать Отечество.

Глава 2. Ледяной поход: Начало Легенды

Раздел 2.1. Уход из Ростова

В ночь с 9 (22) на 10 (23) февраля 1918 года Добровольческая армия покидала Ростов. Это был не отход, не отступление в обычном смысле слова, а уход в неизвестность — почти бегство, почти самоубийство. Основные силы с Корниловым во главе выступили в двадцать три часа от Лазаретного городка. Прикрывавшие отступление Студенческий и 1-й Офицерский батальоны отходили через город от Таганрогского проспекта по Большой Садовой улице. Ввиду пассивности противника они вскоре догнали армию и стали в хвост растянувшейся в ночной степи колонны. Впереди продвигались обозы и беженцы, за ними, а частично и вперемежку с ними — строевые части.

Свидетель этого исхода, генерал Африкан Богаевский, оставил описание, от которого и сегодня сжимается сердце. «Был тихий зимний вечер. Накануне выпал снег. Пустынны и мрачны были ростовские неосвещённые улицы. Вдали, на Темернике и в районе вокзала, слышны были редкие ружейные выстрелы. Наскоро попрощавшись по пути с семьей, приютившейся на окраине Ростова, почти без надежды когда-нибудь увидеть её, я снова сел в автомобиль и догнал колонну добровольцев у выхода из города». В этих словах — вся трагедия момента. Люди уходили, зная, что, возможно, не вернутся. Они прощались с семьями наспех, почти без надежды. И шли в ночь, в степь, в никуда.

В Ростове к тому времени скопилось до семнадцати тысяч офицеров, не считая двух тысяч казачьих. Но большинство из них не решились своевременно примкнуть к Добровольческой армии. Они остались — и многие из них заплатили за это жизнью. По разным оценкам, после смерти Каледина и ухода Добровольческой армии на Кубань было убито до пятисот офицеров. Это была одна из первых и самых горьких ироний Гражданской войны: те, кто не решился выбрать сторону, погибли первыми.

Сама армия, уходившая в степь, была небольшой — около четырёх тысяч бойцов, более половины которых составляли офицеры, кадеты и юнкера. Это была армия, в которой каждый рядовой мог командовать полком, но командовать было некем. Кавалерии почти не было — несколько сотен всадников. Орудий — восемь. Снарядов — шестьсот-семьсот на всю армию. Патронов — в обрез. Одежда — крайне разнообразна, у огромного большинства сильно потрёпана. И при этом — два боевых верховных главнокомандующих, командующий фронтом и много других генералов, ещё недавно занимавших высокие посты в русской армии. Никаких канцелярий, вся переписка велась в записной книжке адъютанта или на клочках бумаги. Это была армия-призрак, армия-миф, армия-легенда, которая ещё не знала, что ей предстоит стать легендой.

Драматизм решения Алексеева и Корнилова идти в неизвестность степями Кубани невозможно передать словами. Богаевский вспоминал: «…Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы». Это не просто слова. Это кредо. Это объяснение того, почему они шли. Не за победу — за свет. За то, чтобы среди тьмы, охватившей Россию, осталась хоть одна светлая точка. И эта точка должна была гореть любой ценой.

Первая ночь похода прошла в станице Аксайской, где казаки, опасаясь мести большевиков, не хотели давать добровольцам ночлега. Только после двухчасовых уговоров Деникина и Романовского станичный атаман согласился пустить их — с условием, чтобы утром они ушли дальше, не ведя боя у станицы. Кое-как, вповалку, на холодном полу, провели тревожную первую ночь похода, ожидая возможности наступления красных, и рано утром двинулись

дальше на станицу Ольгинскую. Переправа через Дон прошла благополучно, хотя лёд уже трещал. Перетащили и артиллерию, две пушки поставили на всякий случай на позицию на другом берегу, пока не перешёл весь отряд.

В станице Ольгинской армия простояла четыре дня. За это время она была реорганизована и приведена в полный порядок. Мелкие части сведены в более крупные, начальники подтянулись, присоединились отставшие партизаны. Армия получила следующую организацию: Офицерский полк под командованием генерала Маркова, Корниловский ударный полк под командованием полковника Неженцева, Партизанский полк под командованием самого Богаевского, Юнкерский батальон, Артиллерийский дивизион, Чехо-словацкий инженерный батальон и три конных отряда. В каждом полку было не более пятисот-семисот штыков, а во всей армии едва четыре тысячи человек — то есть обычная численность пехотного полка боевого состава. К этому числу нужно прибавить ещё до тысячи человек не боевого элемента: раненых, женщин, стариков, подводчиков. Всё это было в обозе. Ещё большее разнообразие было по возрасту: в строю стояли седые боевые полковники рядом с кадетами пятого класса; состав почти исключительно интеллигенция; очень мало простых рядовых солдат и казаков.

С переходом через Дон настроение духа добровольцев стало бодрее, но перед ними стоял роковой вопрос: что делать дальше? Куда идти? Богаевский думал, что доберутся как-нибудь до Кавказа, и если не поддержат кубанцы и горцы, то придётся рассеяться и ждать лучших дней в кавказских дебрях или за границей. Дон ещё не проснулся. Роковой выстрел Каледина ещё не разбудил его. Только немногие смелые люди пошли с добровольцами или в «Степной поход» с генералом Поповым. Масса простого казачества да и многие офицеры пока ещё «держали нейтралитет».

Этот нейтралитет был приговором. Не только для казачества, но и для всей той России, которую белые пытались спасти. Люди не хотели воевать. Они устали от войны, от крови, от неопределённости. Они хотели мира — любой ценой. И этой ценой стала свобода. Их собственная свобода, которую они променяли на призрачный покой.

Раздел 2.2. Смерть Корнилова и командование Деникина

Бои под Екатеринодаром в апреле 1918 года были одними из самых ожесточённых за весь Ледяной поход. Добровольческая армия, понеся тяжёлые потери, всё же предприняла попытку штурма города. Совместными усилиями 9—13 апреля была предпринята попытка штурма Екатеринодара. Превосходящие силы противника под командованием Автономова и Сорокина отбили атаки Добровольческой армии, которая под стенами города понесла тяжёлую утрату.

Тринадцатого апреля 1918 года в половине восьмого утра от смертельного ранения, полученного во время артобстрела штаба, скончался генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Шальной снаряд разорвался на его наблюдательном пункте. По одной из версий, это была случайная граната. По другой — снаряд, выпущенный красными. Но для истории важен не столько калибр снаряда, сколько то, что в этот момент оборвалась жизнь человека, который был душой и символом Белого движения на Юге. Участник Гражданской войны Роман Гуль в книге «Ледяной поход» объясняет гибель Корнилова свойственной генералу беспечностью. Несмотря на предупреждения соратников, предводитель Белого движения отказывался переносить штаб в безопасную локацию. Корнилов скончался, получив осколочные ранения и множественные переломы. Ему было сорок семь лет. Он погиб не в бою, не в атаке, не с шашкой в руке, а в штабе, от случайного осколка. Это было почти унизительно для человека, который всю жизнь искал смерти в бою. Но это было реальностью войны, в которой смерть не выбирает героев.

Смерть Корнилова потрясла армию. Деникин, принявший командование, позже вспоминал, что в те дни многие были уверены: дело проиграно. Но произошло обратное. Смерть вождя создала вокруг него тот ореол мученика, который сплотил выживших сильнее, чем любая

победа. В этих боях, писал один из участников похода, родилась не армия, а орден мучеников. Эта фраза стала крылатой. Она объясняет очень многое в психологии Белого движения. Белые не просто воевали. Они страдали. Они приносили себя в жертву. И в этой жертве видели смысл.

Корнилова похоронили тайно. Тело генерала и полковника Неженцева было предано земле на пустыре за немецкой колонией Гначбау, в пятидесяти верстах севернее Екатеринодара. Место захоронения было выбрано укромное, в надежде, что красные не найдут его. Но они нашли. Большевики, заняв хутор, где находился белый штаб, принялись копать в поисках якобы спрятанных «кадетами» сокровищ. А может, кто-нибудь из жителей донёс. Тело нашли. На центральной площади Екатеринодара его долго топтали и рубили шашками, повесили на дереве, потом отвезли за город и два дня пытались сжечь. Сожжение продолжалось трое суток, дабы уничтожить дотла. Где именно бросили то, что от него осталось, неизвестно. Белые об этом не знали и, взяв Екатеринодар спустя четыре месяца, назначили торжественное перезахоронение в городском соборе. Но, вскрыв оставленную ими могилу, обнаружили её пустой. Вдова публично обвинила Деникина в том, что тело погибшего главнокомандующего не вывезли с армией, и отказалась присутствовать на панихиде.

Это надругательство над телом Корнилова было не просто актом вандализма. Это было символическое уничтожение врага, который и после смерти оставался опасен. Красные понимали, что могила Корнилова может стать местом поклонения, источником силы для белых. И они сделали всё, чтобы этого не случилось. Они добились обратного. Смерть Корнилова и надругательство над его телом создали вокруг него тот ореол мученика, который сплотил выживших сильнее, чем любая победа. В этих боях, писал один из участников похода, родилась не армия, а орден мучеников.

Деникин принял командование в самый тяжёлый момент. Армия была измотана, потери огромны, надежды почти не осталось. Но он нашёл в себе силы не только сохранить армию, но и вывести её из окружения. Ему удалось вывести армию из окружения и с боями пробиться на Дон, где к тому времени началось антисоветское восстание донского казачества. За время восьмидесятидневного похода — в сложных погодных условиях, окружённая советскими отрядами — Добровольческая армия преодолела с непрерывными боями около тысячи двухсот километров, при этом не только сохранив свою целостность, но даже увеличив численность за счёт присоединения войск Кубанского краевого правительства. Это был подвиг, который современники сравнивали с переходом Суворова через Альпы. И это была легенда, которая будет жить века.

Авторское лирическое отступление напрашивается само собой. Смерть Корнилова создала культ, вокруг которого сплотились выжившие. Но этот культ имел и обратную сторону. Он мешал видеть реальность. Он мешал признавать ошибки. Он мешал договариваться. «Корниловский дух» был духом обречённых, и в этом была его трагедия. Белые шли в бой не за победу, а за смерть. Они искали мученичества, а не торжества. И в этом была их сила — и их слабость. Сила, потому что она позволяла им сражаться в безнадёжных условиях. Слабость, потому что она мешала им победить.

Раздел 2.3. «Второй» Кубанский поход и выход к Дону

Второй Кубанский поход начался в июне 1918 года. Добровольческая армия, пополнившись кубанскими казаками, насчитывала уже восемь-девять тысяч человек. Это была уже не та армия, что уходила из Ростова в феврале. Она выросла, закалилась, поверила в себя. И теперь она возвращалась — не бежать, а мстить.

Двадцать третьего июня 1918 года начался 2-й Кубанский поход Добровольческой армии. В ходе его был захвачен почти весь Северный Кавказ. Армия, ещё недавно бежавшая из Ростова, теперь возвращалась туда как хозяйка. В ходе Второго Кубанского похода Доброволь-

ческая армия Деникина вошла в Екатеринодар — город, под стенами которого погиб Корнилов. Это была символическая победа. Это была месть за смерть вождя. Это было доказательство того, что «белое дело» живо.

Освободились от противника южные части Ростовского и Черкасского округов, отпала угроза Новочеркасску с юга. Ростов и Новочеркасск, оставленные в феврале, были возвращены. Первые победы внушили надежду, что «белое дело» живо. Казалось, что теперь всё будет иначе. Казалось, что за спиной у белых — вся Россия. Но это была иллюзия. За спиной у них были только они сами — и их вера.

Второй Кубанский поход стал не только военной победой, но и моральным переломом. Армия поверила в себя. Она перестала быть армией обречённых. Она стала армией победителей. Но эта победа таила в себе семена будущих поражений. Растянутость коммуникаций, нерешённость аграрного вопроса, конфликты с казачьими атаманами, которые не желали подчиняться «добровольческому» командованию, — всё это уже было. Но об этом не думали. Думали о победе. И это была ещё одна иллюзия, которая дорого обойдётся белым.

К концу 1918 года под контролем белых оказалась значительная территория. Добровольческая армия выросла до тридцати-тридцати пяти тысяч человек. Казалось, что «белое дело» живо. Казалось, что победа близка. Но в этих победах уже таились семена будущих поражений. И самое горькое из них — то, что белые не смогли превратить военную победу в политическую. Они умели брать города, но не умели брать сердца. Они умели умирать, но не умели жить. И это была трагедия, которая переживёт их всех.

Ледяной поход стал не только военной операцией, но и духовным фундаментом Белого движения. В этих боях, в этих переходах, в этих смертях родилось то, что потом назовут «корниловским духом» — готовность к жертве, презрение к смерти, вера в правоту своего дела. Этот дух был и силой, и слабостью белых. Силой — потому что он позволял им сражаться в безнадёжных условиях. Слабостью — потому что он мешал им видеть реальность, мешал им договариваться, мешал им признавать ошибки. «Корниловский дух» был духом обречённых, и в этом была его трагедия. Но это была трагедия не только их. Это была трагедия всей России, которая так и не смогла выбрать между красными и белыми, между прошлым и будущим, между мечтой и реальностью. И Ледяной поход был первой главой этой трагедии — главой, которую до сих пор читают с замиранием сердца.

Часть II. Вожди и Идеологии: Портреты на Фоне Смуты

Глава 3. Антон Деникин: Генерал «Прямой Линии»

Раздел 3.1. Биография до революции

Антон Иванович Деникин не был ни харизматиком, ни демагогом. Сын крепостного крестьянина, дослужившегося до офицерского чина, он прошёл путь от юнкера до генерала, не имея ни связей, ни протекции. Его репутация в армии была безупречной: честный, прямой, бескомпромиссный. Именно эти качества сделали его вождём Белого движения на Юге после смерти Корнилова — и именно они, возможно, стали причиной его поражения.

Он родился 4 (16) декабря 1872 года в деревне Шпеталь-Дольный Варшавской губернии, в семье отставного майора. Его отец, Иван Ефимович Деникин, происходил из крепостных крестьян Саратовской губернии. В возрасте 27 лет он был отдан помещиком в рекруты и за 22 года службы дослужился до фельдфебеля, удостоился сдать «офицерский экзамен», после которого был произведён в прапорщики и определён на службу в бригаду пограничной стражи. Он выслужился до майора — чин, дававший право на потомственное дворянство, — но умер, когда Антону было всего двенадцать лет, оставив вдову с маленьким сыном и пенсией в двадцать пять рублей.

Эта бедность, это происхождение «из низов» наложили отпечаток на весь характер Деникина. Он не был барином, не был аристократом, не был «белой костью». Он был человеком, который всего добился сам — и который до конца жизни сохранял чувство собственного достоинства, граничившее с упрямством. Он гордился своим происхождением и историей жизни отца, посвятив ей страницы своей книги «Путь русского офицера».

Образование он получил в Ловичском реальном училище, затем окончил военно-училищный курс при Киевском пехотном юнкерском училище. Службу начал в артиллерии, но вскоре поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил в 1899 году по первому разряду. Это был путь «правильного» офицера-генштабиста: академия, служба в штабах, постепенное продвижение по лестнице чинов.

Русско-японская война 1904—1905 годов стала первой проверкой его характера. Он подал рапорт о переводе в действующую армию и был назначен штаб-офицером для особых поручений при штабе 9-го армейского корпуса. Он участвовал в боях, был награждён двумя орденами, получил звание полковника. Но главное, что он вынес из этой войны, — это горькое понимание того, что русская армия больна. «Японская война, вскрывшая глубокие болезни, которыми страдала страна и армия, — писал он позже, — …сыграла особенно серьёзную роль в политическом воспитании офицерства».

Первая мировая война стала для Деникина временем взлёта. Он командовал бригадой, затем дивизией, проявил себя как энергичный и решительный командир. К 1917 году он был генерал-лейтенантом, командующим Западным фронтом. Его репутация в армии была репутацией человека честного, прямого, неспособного на интригу. Именно эти качества — а не харизма, не политическое чутьё, не умение лавировать — выдвинули его на первые роли в Белом движении. Но они же, возможно, и погубили его дело.

Раздел 3.2. Идеология «единой и неделимой»

Деникин был имперцем до мозга костей. Его политическое кредо укладывалось в формулу «единая и неделимая Россия». Он не признавал ни украинской независимости, ни автономии казачьих областей, ни каких-либо иных форм национального самоопределения. Для него Россия была неделимым целым, и любые попытки расчленить её воспринимались как предательство. Эта позиция была честной, но политически самоубийственной: она оттолкнула от белых и украинцев, и грузин, и финнов, и поляков — всех, кто готов был бороться с большевиками, но не желал при этом восстанавливать империю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.